

Станислав Юзеф Сроковский

Из Дикого поля

Воспоминания зимы 1919/1920 на юге России

Представляю вам в сокращенном варианте свой перевод с польского первых глав книги «Из Дикого поля» («Z dzikich ról»). Она была издана в Познани в 1926 году и ранее никогда не переводилась. Автор, Станислав Сроковский, в описываемый период зимы 1919-1920 годов был направлен правительством недавно возрожденной Польши для работы в Одессе в качестве консула. На его долю выпала сложнейшая задача организации эвакуации польского населения перед приходом в Одессу большевиков в феврале 1920 года. Подробное описание этих событий он дал в своей книге.

Станислав Юзеф Сроковский (1872-1950)

Станислав Юзеф Сроковский (польск. Stanisław Józef Srokowski, 1872 год – 1950 год) – польский географ, дипломат, общественный деятель, воевода Волынский. Обучался в Ягеллонском, Львовском университетах. Занимался преподавательской деятельностью в Жешуве, Львове и Тернополе. В 1913 году основал Подольский музей в Тернополе и был его первым директором.

До Первой мировой войны проживал в Киеве, занимаясь преподавательской деятельностью в местных польских школах.

Служил в Консульском департаменте, был консулом в Одессе, Кенигсберге. С 1926 года был первым директором Балтийского института в Торне. До начала Второй мировой войны – профессор Варшавского университета. После войны стал председателем Польского географического общества.

Стелла Михайлова

Глава I.

Хаос российской революции. Необходимость консульской защиты. По дороге в Одессу. Отсутствие польской репатриационной деятельности

В первых числах апреля 1919 года произошло в Одессе что-то необычное. Без достаточных и, по крайней мере, видимых поводов французский генерал д'Ансельм, командующий оккупационными войсками союзников, оставил этот город под натиском относительно немногочисленной большевистской банды Григорьева и в суматохе погрузился на корабли, следующие в Румынию. За ним также последовала находящаяся при нем дивизия генерала Желиговского, которой была поручена охрана тылов.

С апреля до августа 1919 года Одессой правили большевики. И опять же, как неожиданно попала она им в руки, так же точно и была утрачена. Без большого военного усилия заняли ее войска российской Добровольческой армии генерала Деникина.

Известие об этом пришло в Варшаву с началом сентября, а вместе с ним – и горячие просьбы о помощи со стороны еще многочисленных на тот момент польских колоний, которые были сосредоточены в большинстве городов юга России вплоть до предгорий Кавказа.

Ко всему добавилась огромная масса вновь прибывших иммигрантов с запада Польши, а также передвигающихся относи-

тельно свободно многочисленных польских пленных. В это время польское население на юге России по численности доходило до полумиллиона.

Во время существования старого российского государства, а также во время первой фазы революции жизнь этой многочисленной колонии была не самой плохой. Еще работали промышленность, торговля, банки, общества и школы. Однако постепенно все начинало исчезать. И вместе с этим, а также с резким ухудшением условий общественной безопасности, проблемами с транспортом и по мере того как таяли запасы продовольствия, в конце концов со вспышкой и неслыханным ранее распространением инфекционных заболеваний (особенно сыпного тифа, от которого умирали не тысячи, а миллионы) людей сильнее охватывало желание выбраться из все более осложняющейся ситуации и вернуться в Польшу, казавшуюся в то время, особенно с расстояния в сотни миль, чем-то идеальным, совершенным. Многими руководили благородные побуждения. Они хотели оказаться в свободной Отчизне, о которой мечтали всю жизнь, ради которой когда-то страдали, и которая в их понятии нуждалась в силе и трудах всех своих сынов.

Людам же, вросшим глубоко в российский грунт, напомнила об этом большевистская власть, которая в настоящий момент исчезла, уступив место выглядящему более по-европейски воинству Деникина. Однако сильные потрясения вызвали самые серьезные размышления. Одна только мысль о возможности возврата того времени, когда, выходя утром в город, на каждом шагу встречали труп или лужу человеческой крови, когда ночью постоянно слышны выстрелы, оповещавшие о кровавых экзекуциях, когда грабежи, крики и оргии создавали атмосферу адского разгула социального дна, – вызывала у людей тревожное содрогание.

У тех, кто жил в селах рядом с городом, перед глазами были еще более страшные моменты восстания черни, стихийно и бессмысленно до основания уничтожающей все на своем пути.

Военное правление Деникина, хоть бездарное и неудачное, а кроме того, основанное на возведенном в систему уничтожении

своей страны, тем не менее казалось хоть каким-то облегчением, если вспомнить, через что пришлось пройти: все-таки сейчас у власти были люди, а не шакалы в людском обличье – мстительные, жестокие, преступные и омерзительные.

Это правление, впрочем, не предвещало ничего хорошего. В поставляемые англичанами мундиры одевалось не войско Добровольческой армии, а банды Махно и других атаманов, растущая инфляция ничем не покрытого денкинского рубля делала невозможным какой-либо обмен товарами, продажность бюрократов доходила до фантастических масштабов, а политика Деникина была в наивысшей степени неосторожной и провокационной. Он ссорился со всеми, разогревал российские имперские амбиции и претензии на владение теми, кто уже когда-то испробовал на себе царское правление.

В этих условиях жизни не каждый умел «крутиться», тем более что везде, кроме побережья и больших центров, было почти полное отсутствие власти. Махно (и не он один) атаковал даже большие города, накладывал на них контрибуцию, правил, как удельный суверен, на большом пространстве к северу от Азовского моря и даже имел собственный печатный орган. Кроме того, рядом с войсками Деникина между Днестром и Бугом находились подразделения не симпатизирующих полякам галичан.

Кто только мог, устремлялся в города, полагая, что сможет найти там безопасность и возможность контактов с миром. Самопроизвольно возник целый ряд польских консульских учреждений, задачей которых была забота об остатках польских войск, брошенных в опасности в этом море хаоса. (...)

Над многочисленной польской колонией в Одессе и на западе Украины, особенно в крае, называемом Новороссийским, осуществлял до тех пор опеку Кароль граф Бжозовский, который, устав от тяжелых переходов во время первой эвакуации из Одессы в апреле 1919 года, просил об освобождении его от функций консула, тем более что, не доверяя общему положению дел, он хотел как можно скорее выехать с семьей в Польшу, оставить все свое имущество на произвол судьбы, – такому плану, однако, следовали все, потому что другого выхода не было.

Впрочем, как только после занятия Одессы Добровольческой армией появилась возможность повторного появления там консульского отдела, а также налаживания с его помощью сотрудничества с Варшавой, он послал с рапортом в Министерство внешних дел своего секретаря, молодого, но очень деятельного Цезария Березовского.

Результатом этого рапорта и просьбы об отставке было мое назначение 14 октября 1919 года консулом и представителем польского правительства в Одессе. Причем в состав поверенного мне консульского округа (*circonscription consulaire*) входила вся территория Юго-Западной Украины, включая все побережье Черного моря на запад от Крыма. Уже 18 октября 1919 года в сопровождении нескольких будущих сотрудников консульства я выехал из Варшавы и через Черновцы, Пашканы и Яссы доехал до Галаца, расположенного на нижнем Дунае, где, ожидая несколько дней прибытия судна «Леополис» итальянской компании «Ллойд Триестино», имел возможность немного познакомиться с нашей несчастной возвращающейся домой эмиграцией. Бросалась в глаза в первую очередь полная беспомощность действий польских правительственных учреждений в Варшаве, в руках которых находились эти дела, – и тут неподходящая централизация вылезала из каждого угла. Из всего было видно, что на месте оперировали очень небольшими материальными средствами,* что о должной организации эмиграционного транспорта из Галаца не было и речи, и в конце концов – что без унижительной и кажущейся

* В течение нескольких месяцев, а именно с 17 мая до конца октября 1919 года галацкая репатриационная миссия Государственного бюро по делам военнопленных, беженцев и рабочих, подчиняющегося Совету министров, коротко называемому JUR'ом, выдала всего 50 000 французских франков при очень высоких местных ценах на продукты. Так 1 кг хлеба стоил тогда 60 баней, картофеля – от 75 баней до 1 леи, масла – 25-30 лей, сыра – 12-15 лей, смальца 24 леи. За килограмм угля платили 40 баней. На эти скромные средства, не соответствующие ни в каком случае суммам, которыми располагало бюро в Варшаве, необходимо было содержать персонал миссии, а также материально снабжать разные ее агентства. Например, почетный польский консул в Кишиневе г-н Цывиньский, успешно занимавшийся реэмиграцией, получил только 5000 лей, что, впрочем, было почти ничем, учитывая огромное количество скопившихся там людей.

совсем необязательной посторонней помощи даже то, что делалось, было бы невозможно.

Наши эмигранты ели французские сухари (pain de guerre), свежий хлеб, мясо, консервы, рис, смалец, сало, бульон, фасоль, сушеные овощи, в конце концов пили французское вино, выделяемое по пол-литра на человека в день. Даже уходя в Болгарию, французы оставили его для миссии в количестве 1000 литров. Если не хватало французских запасов, обращались к богатым американским дарам, среди которых была масса постельного белья, одеял, трикотажа и т. д. Больных бесплатно размещали во французских и румынских больницах Галаца. После французов, а точнее – после темнокожих африканских войск, наши эмигранты заняли здания при Strada Țasarmei, Seret 11, находившиеся в самом ужасном состоянии, где были организованы лежачие места на нарах для 240 человек. Однако для того количества эмигрантов, которые ожидали в России отправки в Польшу и после закрытия польских иммиграционных миссий в Константинополе и Батуми обязательно должны были пройти через Галац, этого было совершенно недостаточно. В Таганроге и окрестностях, как свидетельствовала английская телеграмма в миссию, сосредоточилось в момент, когда я находился в Галаце, 52 000 человек – из них 32 000 литовских евреев и 20 000 поляков.

По предварительной договоренности поезда предоставляли румыны, причем их военное министерство (ministerul de rasboju) вело весь учет этого вида транспорта, исходя из невиданной бедности румынского железнодорожного парка требуя, чтобы в товарном вагоне ехало 50 человек. Только самые крепкие люди могли себе позволить отправиться в подобные поездки.

И была еще одна проблема у нашей многочисленной неорганизованной репатриации. Речь идет о том, что репатрианты приносили нашему государству убытки, которые невозможно было оценить непосредственно, в результате завоза российской валюты, превышающего миллиарды. Уезжая в Польшу, эмигранты старались на месте за любые деньги избавиться от ценных вещей и приобретали рубли, которые с каждым днем все более пре-

вращались в бумажки, не имеющие никакой ценности. Я видел людей, которые везли с собой по 5 миллионов думских и даже донских рублей, хотя за эти «капиталы» могли бы на месте приобрести определенное количество английских фунтов или долларов. Однако они этого не делали, полагая, что в Польше обмен будет более выгодным.

Румыны от этой инфляции защищались конкретным способом, не позволяя никому из прибывающих в их границы иметь при себе более чем 2000 рублей, а также вывозить более 500 лей.

Польша эти меры предосторожности, к сожалению, не приняла во внимание.

Глава II.

В Одессе осенью 1919 года. Организация консульства. Политика Деникина и Антанты. Торговля черноморского побережья

27 октября я выехал из Галаца и вечером того же дня доехал до Сулины. На следующий день утром я уже был в Одессе. Лоцман завел в порт корабль, лавировавший среди минных полей.

Одесса произвела на меня впечатление неблагоприятное. Грязная и неухоженная: видно было, что она никак не могла прийти в себя после многомесячного большевистского правления, а новые ее хозяева, деникинцы, не много делали, чтобы добиться каких-то изменений. Все было каким-то заболоченным,* бедным, потертым и притом наполненным воспоминаниями о недавних убийствах, резне и экзекуциях, которые здесь буйствовали во всем своем ужасе. А кроме того, в глубинах внешнего порта было обнаружено огромное количество останков офицеров черноморского флота, которых туда по приказу разных палачей бросали, привязав к ногам камни или иные тяжести. И была еще Екатерининская площадь, где

* Разрешили пользоваться водопроводом, который не действовал в течение нескольких месяцев правления большевиков. Отсутствие хорошей воды стало причиной того, что в Одессе появилась холера, которой ежедневно заражалось до 100 человек. Еще хуже обстояли дела в Херсоне, где ежедневное количество заболевших доходило до 200 человек.

в подвалах одного из домов каждую ночь проходили дознания и убийства. И были возвышающиеся на общественных площадях могилы, скрывающие жертв разгула самых низменных человеческих инстинктов.

Все это, впрочем, стиралось и растворялось в гомоне жизни, а красный цвет революции тускнел с каждым днем под действием новых, и одновременно таких старых мечтаний о единой и неделимой России. Тот момент, когда я вступал на территорию Южной России, был периодом самых больших удач Добровольческой армии, и ничего не предвещало того, что это уже начало конца и что после этого периода придет второй – молниеносного перелома всего военного предприятия, которым не сумели заинтересовать широкие народные массы – только слои чиновников, пытающихся оживить те времена, когда они на все могли наложить свои лапы. И сейчас, как никогда раньше при царском режиме, бросалось в глаза искусственное и сложное разрастание разнообразных бюрократических органов, среди которых сложно было сориентироваться. Их запутанный формализм скорее служил торможению жизни, чем ее возрождению.

Польскую жизнь в Одессе я нашел не в самом плохом положении. Действовали польские общества, школы, и даже выходило неплохо редактируемое польское печатное издание «Возрождение». Однако все жили какой-то неуверенной жизнью, как будто в горячем ожидании, что что-то произойдет, – то, чего никто не хочет: спокойной жизни больше не будет. Впрочем, то, что советская власть не причинила большого вреда жизни польской колонии, можно в значительной мере приписать заслуге грузинского консула Ушверидзе, который во время господства в городе большевиков остался на месте, и располагая большой численностью своих на все готовых соотечественников, взял под опеку элемент польской жизни.* Большевики, у которых было много хлопот, предпочитали с таким консулом не портить отношения, тем более в городе у них существо-

* Министерство иностранных дел, оценило заслуги консула Ушверидзе и выслало в его адрес благодарственное письмо, которое ему торжественно вручили.

вала поддержка со стороны местных польских коммунистов с их жадной террористической деятельности.

Приняв консульство из рук предшественника, я быстро привел в движение все его отделы и кроме уже существовавших паспортного и опирающегося на Совет польских организаций репатриационного организовал торговый отдел, передачу денег в Польшу и даже польскую почту с собственными почтовыми марками.**

Консульство, размещавшееся сначала в нескольких залах по улице Гоголя, 15, с 20 ноября заняло почти весь дом князя Гагарина по улице Софиевской, 26, где сосредоточились все отделы работы, кроме паспортного и реэмиграционного, которые остались в своем предыдущем помещении.***

Затем, используя данные мне полномочия, я приступил к организации вспомогательных консульских организаций, какими всегда являются хорошо действующие агентства. В первую очередь они были созданы в важных городах, Николаеве и Херсоне, а также и в не менее важных Тирасполе, Елисаветграде и в других местах. Везде и всегда я требовал такого же отношения к польским гражданам, каким оно было к подданным других стран, и в конце концов, хоть и не без споров, этого добивался. Я убедился, что в головах россиян еще не могла поместиться мысль, что Польша уже существующая страна, и к тому же суверенная и признанная Европой, а не бывшая российская губерния. Однако же факт этого состоявшегося события не пустил корней даже в самом близком окружении Деникина. Достаточно сказать, что начальник Управления иностранных дел при штабе Деникина в официальной энунциации

** Поскольку открытие польской почты в Одессе произошло абсолютно формально на основании распоряжения Министерства почты и телеграфа в Варшаве, отсюда и марки этой почты приобрели права гражданства между филателистами. В настоящее время они считаются большой редкостью.

*** Прекрасно обустроенное консульство на улице Софиевской принадлежало князю Гагарину. Собственностью консульства были только немногочисленные, в основном мелкие предметы и картины, пожертвованные адвокатом Березовским, среди которых восхищала размерами картина старой школы, заполнявшая всю большую стену и отображающая акт принятия Конституции 3 мая. Помещение на улице Гоголя было обставлено мебелью клуба «Огонек», Дома польского и частных лиц.

агентства «Русаген» еще 12 ноября 1919 года поднимал вопрос о независимости Польши в неопределенном ближайшем будущем, но только так называемой «этнической», так как об «исторической» у тех господ даже не шла речь.

Впрочем, отношение деникинцев к Польше не разделяли другие российские «инородцы». 14 ноября обратился ко мне эстонский Народный комитет с просьбой о принятии опеки над эстами, проживавшими в Новороссии и на Украине, затем латышский предпринял то же самое в отношении латышей. Кроме этого я принял опеку над грузинами и даже до определенной меры над финнами. В особенно тяжелые минуты присоединялись и литвины, поддерживавшие с консульством связь через ксендза Антония Виторта – народного писателя. Очень хорошо ощутили они поддержку и от харьковского консульства, которое долгое время относилось к ним так же, как и к полякам, – оказывало помощь и т. д.

У меня есть сильное и, кажется, основательное подозрение, что в этой неприязни к Польше деникинцев поддерживали главным образом англичане, которые после ухода французов играли на побережье Черного моря первую роль в борьбе с Советами, чтобы потом снова уступить ее своим союзникам, но уже только в отношении армии генерала Врангеля, удерживавшейся в Крыму на год дольше. Англичане снабжали Добровольческую армию оружием, амуницией, обмундированием и медицинскими средствами. Их военные суда грозно курсировали вдоль побережья. В некоторых пунктах, особенно в восточной части Черного моря, были созданы оперативные центры, быстро превратившиеся в пункты оживленного вывоза местного сырья. Допускаю, что досточтимые союзники Деникина, избавляясь от ненужного им уже военного оборудования, делали на этой операции совсем неплохие доходы.

Достаточно вспомнить, что правление Деникина уступило англичанам все доступные запасы ценной черноморской шерсти, дало им своего рода монополию на закупку кавказского и крымского табака и продавало за полцены торговые суда, электролитную медь и т. п. Особым вопросом была их заинте-

ресованность в российской нефти. Под крылом англичан активничали на побережье также итальянцы, которые направили на Черное море свои торговые и пассажирские суда. Первые привозили туда немецкие товары, итальянские вина, фрукты и т. п., а вывозили разное сырье, вторые же, взимая за билеты на суда небывалые суммы в иностранной валюте, получали от перевозок сказочные прибыли.

Англичане целыми сотнями привозили на черноморское побережье изгнанных из Лондона за большевистскую агитацию евреев и требовали от нас, чтобы мы их снабжали польскими проездными документами, не обращая никакого внимания на место их рождения. Это каждый раз давало повод для обострения польско-английских отношений. Упомянутые неприятности в определенной мере уравнивали более благоприятное отношение к нам представителей других государств, в первую очередь Франции, консул которой Г. Вотьер был сердечно нам предан. Дружески относился к нам также Др. Колombatович, стоявший во главе делегации Совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев, Др. Хар. Караминтчев – руководитель Генерального Болгарского консульства, и Ярослав Хуль, исполнявший функции консула Чехословацкой Республики. Мы даже обсуждали мысль создания славянского клуба консулов.

Деньгами, ходившими в это время на всем западном побережье, был украинский рубль, так называемый карбованец, который, несмотря на категорическое неприятие Деникиным права на государственное существование Украины, ценился выше, чем рубль деникинский и так называемый донской. В среднем осенью 1919 года царский рубль равнялся четырем карбованцам. Постепенно это соотношение ухудшалось, а царский рубль, особенно в сторублевых банкнотах, в случае если они были целыми и не имели дефектов или каких-либо следов укулов шпилькой, сделанных в определенном месте, в чем отлично разбирались только посвященные в эту тайну евреи, приобретал характер валюты заграничной, чего совершенно нельзя сказать об еще одном виде рубля, так называемом думском, и о керенках.

Из иностранных валют самым большим спросом пользовался английский фунт, с чем считались местные еврей-фальшивомонетчики, которые были настоящими мастерами своего дела и доставляли его в таком количестве, что каждый мог приобрести. Французский франк оценивался сразу в несколько карбованцев. Впрочем, его курсовая стоимость, как и стоимость всех иностранных валют, росла очень быстро и доходила до 50 карбованцев или донских рублей за единицу. Румынские леи были в три с половиной раза дешевле. Польская валюта не была известна – впрочем, принимался царский рубль, равный польской марке.

Торговля имела все черты лихорадочной продажи имущества. Продавалось все, что только можно было вынести, а все сложности и запреты, издаваемые по этому поводу Добровольческой армией, не приносили никакого результата, тем более что само правительство поступало так же, как и все.

Множество репатриантов везли в Польшу пудами черноморский табак, цена которого достигала в это время при оптовых поставках около 20 марок за килограмм сырья и около 40-45 за резаный. В любом случае поведение это было достойным похвалы в большей мере, чем завоз миллионов разных ничем не покрытых рублей и наводнение ими Польши, которая и так тяжело боролась за финансовое и хозяйственное равновесие.

Глава III.

Поражение войск Деникина и его последствия. Закрытие румынами Днестра для репатриации

Когда все российское черноморское побережье постепенно превратилось в одно большое торговое пространство, обогащающее иностранцев, с севера территории, занятой Добровольческой армией, начали доходить слухи об огромных неудачах, а затем и об изгнании Деникина из Центральной России, о паническом бегстве его войск к югу. И в конце концов в первые дни декабря прогремело, как гром, известие о захвате

большевиками Киева. Огромная масса беженцев, которая вскоре появилась в Одессе, принесла, может, не такие подробные, но многосторонние известия об этом подтвержденном факте. Было очевидно также и то, что большевики вскоре постараются дойти до побережья Черного моря. (...)

На консульстве этот поворот событий на театре войны отразился фатально. С одной стороны, огромное количество репатриантов, которые на переполненных поездах и кораблях со всех сторон стягивались в Одессу, а с другой – ставшее очевидным полное неумение властей взять под контроль все административные органы не только в городе, но и на побережье. Преобладали панические настроения, увеличился хаос, непомерно возросли преступность, наблюдался ужасный разгул социального дна. Дошло до войны всех против всех. Большие села, нередко превосходно вооруженные, были особыми центрами акций противогосподского сопротивления, в основном вызванного нежеланием отдавать запасы провизии проходящим войскам.

Оплата наличными не многим могла помочь в улучшении ситуации, так как весь сельский сектор тоже пресытился рублями, не имевшими никакой ценности, и больше не желал их принимать. Всем нужна была соль, мануфактура и керосин. Водку изготавливали сами (самогон).

Вдобавок зимой до того распространилась эпидемия сыпного тифа, что в самой Одессе ежедневно умирали сотни людей. А румыны, принимая санитарные меры, а также из-за появления многочисленных банд, разбойничавших по всей Украине, наглухо закрыли свою границу по Днестру.

Впрочем, и регулярные подразделения Добровольческой армии не очень отличались от банд. (...)

На поддержание достоинства в армии не смогли повлиять и празднества вроде того, что 9 декабря устроил в Одессе генерал Шиллинг в честь 150-й годовщины учреждения ордена Святого Георгия. Сошлись кавалеры ордена, послушали речи, но дальше снова брались за свое: грабили, крали, предавались пьянству – и даже не думали умирать за Отчизну. Все жило под знаком оргии. Особенно всех устрошила новогодняя ночь.

Началась такая стрельба из винтовок и ручных пулеметов, было брошено столько гранат и бомб, что казалось, будто на город наступает противник или что вспыхнуло всеобщее восстание. А это было только обычное уличное развлечение разыгравшейся деморализованной пьяной солдатни, уничтожающей боеприпасы, которые они и не собирались использовать в борьбе с врагом. Досталось и кораблям в порту. Многие из них были нещадно продырявлены.

Кто избежал большевистского ада, не многое этим приобрел, попав в ряды разлагающейся армии Деникина. И если раньше черноморское побережье желали покинуть тысячи и десятки тысяч, то сейчас этих желающих была огромнейшая масса. Вот только способов выбраться было очень мало, а особенно с той минуты, когда румыны запретили въезд на свою территорию по линии Днестра.

Этот запрет коснулся в первую очередь русских, но и для поляков он был крайне тревожным, хоть нам его румыны официально не объявили.

(...) Чтобы хоть как-то противостоять небольшими средствами, которыми располагало консульство, эпидемии, уже в ноябре мы организовали в Одессе больницу для тифозных – сначала на 10, а потом на 23 койки. Чаще всего эти койки предназначались для больных польских граждан, которых приносили из порта или с приходивших судов. Бывало, что их просто клали прямо во дворе консульства и больше ими не интересовались.

Глава IV.

Перед приходом большевиков. Создание консульской охраны

Деникинская Одесса доживала свои последние дни. И хотя газеты упорно молчали о том, что происходило на фронте, мы все знали, что не было никакого фронта, только хаотическое бегство деморализованных подразделений в сторону Одессы. Очень ценные известия доставлял журналист Кельнич, а еще более ценными были те, что получала или передава-

ла российская военная радиостанция, с сотрудниками которой нам удалось наладить контакты. Все свидетельствовало о том, что приходит «*dies illa, dies irae*», день мести и ужасов, неразрывно связанных со вторжением большевистских войск. Благодаря посредничеству евреев нам удалось узнать часть списка приговоренных к немедленной смертной казни. Было там несколько польских фамилий, но в основном русские. Кажется, на первом месте был редактор Кельнич, а немного ниже – католический епископ Кесслер.

Людам, пережившим мировую войну, о многом говорил уже один только взгляд на происходящее, а кроме того, движение автомобилей, носящихся по городу на бешеной скорости, постоянные перемещения отрядов маршировавших военных, состоявших скорее из нищих, а не из солдат, ведших за собой раненных или измученных коней. Отмечалось также прибытие в порт разных судов, на которые, особенно по ночам, грузилось военное снаряжение. Эта эвакуационная атмосфера в Одессе приобретала специфические местные черты. А именно – в уличных стоках находили больше, чем раньше, человеческих трупов, обгрызенных собаками. В ночное время по боковым улицам сновали отряды одичавших деморализованных солдат в папахами, убивавших каждого, кажущегося им достойным ограбления. Все более многочисленные толпы портовых бродяг все смелей бродили по площадям и элегантным улицам огромного города. Встретить их можно было даже на Екатерининской, Дерибасовской, Пушкинской, Ришельевской и на соседних улицах. Очень беспокоило также поведение огромного количества еврейской молодежи: было видно, что она замышляет какие-то сходки и заговоры.

Польское консульство заполняли толпы нуждающихся. Днем и ночью его стерег сильный отряд консульской охраны с пулеметами. Это началось тогда, когда однажды после наступления сумерек неизвестные особи стали разбивать закрытые входные ворота ручными гранатами.

Люди постоянно толклись в большом дворике консульства и в большом общем зале. В этой мешанине можно было слышать все языки: наряду с польским – в основном русский. Бывали там

генералы Добровольческой армии, известные российские деятели, директора банков, профессора университета и другие. Все вспоминали о своих бабках, прабабках, прадедах поляках, чтобы доказать, что у них польское происхождение, и таким образом они имеют право на польское гражданство и паспорт. Паспорт был единственной в этих условиях возможностью вырваться из одесского ада. Румыны не позволяли никому пересекать границу с российскими документами.

К сожалению, я был вынужден и отказывать. Не помогали даже ходатайства командующего войсками генерала Шиллинга. Допускаю, что похожим образом были атакованы и находившиеся еще в Одессе консулы других стран, которые, вероятно, поступали так же, как и я.

Вспоминаю об этом потому, что на тот период приходилась самая оживленная эвакуационная акция, организованная правительствами других стран. Приплывали одновременно корабли греческие, французские, итальянские, даже турецкие, которые забирали эвакуирующихся граждан своих стран и вместе с консульствами вывозили их из Одессы. Итальянский консул, кажется, какое-то время принимал даже на корабле. Английский находился еще в городе, но под прикрытием двадцати английских солдат морской пехоты. (...)

Не предвещало ничего хорошего и то обстоятельство, что под Одессу стягивались большие военные корабли. Возле итальянского гиганта «Piza», кажущегося с берега замком на воде, немного восточнее стояли английские гиганты. Интересовались только тем, что они сделают и что смогут сделать, а в первую очередь – собираются ли защищать Одессу, или тоже в решительный момент просигналят пару раз и уйдут. Особенно мало я верил в результативность их действий со стороны моря, поскольку был уверен, что на суше по-прежнему будет происходить то же, что и раньше.

Похожие размышления, по всей видимости, должны были волновать и других жителей Одессы, а в первую очередь городские власти, поскольку 30 января те обратились ко мне с просьбой принять участие в обсуждении чего-то похожего на оборону одесских позиций. Было это тем более необычно,

что формально Одессой еще правил генерал Шиллинг. По всей вероятности, этим он давал понять, что с этих пор город может делать что хочет. Отлично понимая, сколь сложной задачей является оборона города, и ни минуты не строя иллюзий насчет того, что то, чем я располагаю, сможет оказать помощь в обороне города, тем не менее, скорее для того чтобы удовлетворить любопытство, чем для какого-то действия, я послал несколько офицеров на общее с городскими властями собрание. После долгих совещаний они еще раз констатировали полное нежелание деморализованных одесситов ради своей жизни и собственности приносить какие-то жертвы (что является основой для любого совместного мирного или военного действия) и вышли из этого сообщества людей, жаждущих спастись, но не желающих для этого и пальцем пошевелить. Они считали, что все обязаны их защищать: и англичане, и итальянцы, и румыны, и даже польский консул с кучкой его людей – только не они сами.

Тут я должен подробнее объяснить, откуда взялось это предложение, сделанное именно польскому консулу, а не, например, английскому, до того времени находившемуся на суше. А произошло это оттого, что в те критические дни в моем подчинении был вооруженный отряд. Правда, он был небольшой, но, кажется единственный в Одессе, который походил на военное формирование, дисциплинированное и не грабящее, а дающее гарантию, что в случае необходимости сможет отважно участвовать в вооруженном конфликте. Была это наша консульская охрана, которой впоследствии мы столь многим были обязаны, и без которой даже речи быть не могло о том, чтобы выбраться из находящейся под угрозой Одессы такому количеству польских граждан.

Начало консульской охраны, или, как называли ее, отдела консульского формирования, относилось еще к 1919 году. Уже тогда, после моего прибытия в Одессу и принятия функций консула, я понял, что без вооруженной помощи нечего и говорить о спокойной деятельности. Я нанял троих людей, которых вооружил и которым доверил охрану внутреннего порядка в здании. По мере расширения консульской деятельности

увеличивалось и количество охраны: сначала до 5, затем до 10, а в конце концов до 26 и даже до 30 человек. Почти все были профессиональными военными с боевым опытом, прошедшими мировую войну. Все физически крепкие и здоровые, все связаны с консульством надеждой, что при его помощи выберутся из Одессы и вернутся в Польшу. Одеты в остатки российских мундиров, переделанных так, чтобы максимально приблизить их к польской форме. С особой гордостью они носили (что вызывало особое уважение) шапки, пошитые по польскому крою одесскими шапочниками. В таком виде наша охрана производила совсем неплохое впечатление.

Некоторые, особенно те, кто служил в польских формированиях, одевались еще и во френч и плащ, какие носили в польской армии. Впрочем, таких людей было мало, так как чаще всего жили только с того, что я мог им дать – очень скромного жалования. Проживали в основном вместе недалеко от консульства, что позволяло им быстро прибыть в случае необходимости. Вооружены были винтовками. (...)

Вокруг этих вооруженных людей на постоянном жаловании постепенно сформировался отряд, насчитывавший 200 человек, с сорока лошадьми, пятью повозками, пулеметами и т. д. Кони были почти все частной собственностью, за исключением нескольких по случаю приобретенных консульством вместе с повозками. Повозки приобрели на случай пешей эвакуации на Овидиополь. Они были бы в таком случае абсолютно необходимы, чтобы перевезти архивы и забрать людей, которые не могут пройти сорок километров пешком.

Люди из такого увеличенного консульского охранного отряда, кроме упомянутых тридцати человек, не получали постоянного жалования. Это были очень бедные солдаты и офицеры, которые служили когда-то в польских формированиях, или теперь – в рассыпающейся Добровольческой армии. Они зарегистрировались у коменданта консульства, но не могли выехать в Польшу в связи с отсутствием средств и способов. Все они время от времени получали от меня небольшую помощь, а в момент выхода консульства из Одессы их полностью взяли на его содержание. Многих из них необходимо было

обуть и одеть, так как из глубинки России они убежали в лохмотьях, пройдя самые страшные испытания. Достаточно сказать, что среди прочих в отряд были включены шесть солдат, которые были остатками группы из трехсот партизан, вышедшей из Киева в начале декабря 1919 года при общей эвакуации. После почти двухмесячного перехода они добрались до Одессы. Все же остальные, если не разбежались, погибли в боях, от ран, голода, холода и тифа. Консульство в этом случае организовывало их и следило за дисциплиной, привлекая к участию в общественной деятельности, а с другой стороны – выполняло функции опеки на чужбине.

Все военные без исключения отличались дисциплиной и преданностью делу. Точно так же вели себя латыши и эстонцы, небольшую группу которых в связи с моей консульской опекой над этими нациями в Одессе я также включил в ряды отряда охраны. Тридцати опытным военным я поручил обслуживание пулеметов. У меня их было пять. (...)

Быстро развивающиеся события обратили наше внимание в другую сторону. Большевики продвигались к Одессе в стремительном темпе и все указывало на то, что 6 или, самое позднее, 8 февраля они войдут в город. Последние основания для каких-либо счастливых случайностей и надежды на задержку их появления таяли, а город защищало уже только узкое пространство, лежавшее между ним и советской армией. Забыли даже о разрушении железнодорожных мостов. Я должен был принять окончательное решение о выходе из Одессы с теми польскими гражданами, которым оставаться там было невозможно из-за большевистского террора, повсеместно применявшегося к польскому населению с особенной безжалостностью.

Выходу из Одессы предшествовало доверительное совещание в консульстве, собранное 31 января 1920 года. Были приглашены: руководство консульства, делегаты польской колонии, представители местных польских организаций, а также некоторые офицеры как консульской охраны, так и торгового флота, группировавшиеся вокруг консульства. После информирования присутствующих о ситуации на так называемом

фронте я попросил их высказаться по поводу возможного выезда из Одессы: с каким количеством людей и когда. Было решено, что выход консульства с польскими гражданами, которым угрожает наибольшая опасность, обязателен, что количество людей, которые должны оставить Одессу, будет составлять от 1000 до 1200 человек. И наконец, что подходящий момент для выезда из города консул должен сохранять как можно дольше в самой большой секретности...

